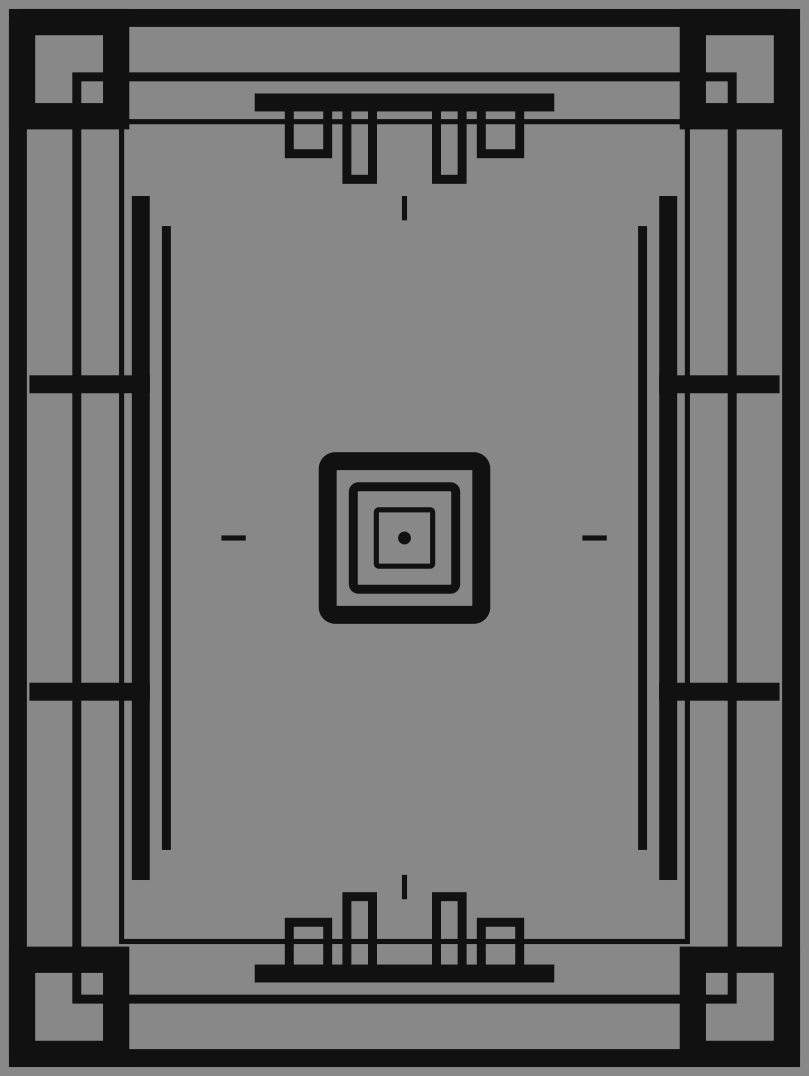

Красная звезда, орбита зимы

Уильям Форд Гибсон, Брюс Стерлинг

Аннотация

Уильям Форд Гибсон, Брюс Стерлинг. Красная звезда, орбита зимы

Аннотация

США уже давно отказались от космической программы. Весь груз на себе тянет Советский Союз. Лунная База, Первая высадка на Марс, и космическая станция «Космоград». Но в космос не выгодно вкладывать средства, это бесперспективно, отдачи нет никакой, и решено свернуть все космические программы. И «Космоград», по приказу Политбюро, будет покинут людьми и спущен с орбиты на Землю. Конец мечтам о космосе? Но полковник Юрий Васильевич Королёв, первый человек на Марсе, не намерен с этим мириться…

Уильям Форд Гибсон, Брюс Стерлинг
Красная звезда, орбита зимы

Полковник Королёв тяжело ворочался в ремнях спального места, ему снились зима и гравитация. Вновь молоденький курсант, он погоняет коня по заснеженной казахстанской степи куда-то в сухую рыжую перспективу марсианского заката.

«Что-то здесь не так», — подумал он…

И проснулся — в «Музее Советских Достижений в Космосе» — под звуки, производимые Романенко и женой кагэбэшника. Они опять занимались любовью за экраном в кормовой части «Салюта». Ритмично поскрипывают ремни и обитые войлоком переборки, слышны глухие удары… Подковы на снегу.

Высвободившись из ремней, Королёв привычным натренированным движением оттолкнулся от стены, что крутануло его прямо в кабинку туалета. Он выпутался из потёртого комбинезона, защёлкнул вокруг чресел стульчак и стёр со стального зеркала сконденсировавшуюся влагу. Во сне артритные руки снова отекли; запястье из-за потери кальция напоминало птичью лапку. С тех пор как он в последний раз испытывал силу тяготения, прошло двадцать лет, он состарился на орбите.

Он побрился вакуумной бритвой, хотя с годами это причиняло всё больше хлопот. Левую щёку

и висок покрывала сетка лопнувших сосудов — ещё одно наследство оставившей его инвалидом декомпрессии.

Выйдя, он обнаружил, что прелюбодеи уже закончили. Романенко оправлял форму. Жена политрука Валентина закатала рукава коричневого комбинезона. Её белые руки блестели от пота. Пепельно-русые волосы развевал ветерок от вентилятора. Близко посаженные глаза были чистейшего василькового цвета, и выражение их сейчас было отчасти извиняющееся, отчасти заговорщическое.

— Взгляните, что мы принесли вам, полковник… — Она протягивала ему крохотную бутылочку коньяка. Королёв, ошеломлённо моргая, взглянул на пластмассовую крышку: «Эр Франс». — Это привезли на последнем «Союзе». Муж сказал, в огурцах. — Валентина захихикала. — Он подарил её мне.

— Мы решили, что она достанется вам, полковник, — ухмыляясь до ушей, сказал Романенко. — В конце концов, мы ведь всегда можем слетать в отпуск.

Королёв проигнорировал взгляд, который мальчишка бросил на его усохшие ноги и бледные обвисшие ступни.

Он открыл бутылочку, и от богатого аромата к его щекам прихлынула кровь. Осторожно подняв бутылочку ко рту, Королёв сделал несколько крохотных глотков. Алкоголь жёг, как кислота.

— Господи, — выдохнул он, — сколько лет! Я совсем тут окаменел! — добавил он смеясь. Слёзы застилали ему глаза.

— Отец рассказывал, в былые времена вы, полковник, пили просто геройски.

— Да, — Королёв отхлебнул ещё глоток. — Пил.

Коньяк жидким золотом растекался по телу. Старик недолюбливал Романенко. И отца парня он никогда не любил — вкрадчивый партийный функционер, давно уже подыскавший себе синекуру в виде лекционных туров; дача на Чёрном море, американские ликёры, французские костюмы, итальянская обувь… Мальчишка похож на отца, те же ясные серые глаза, не омрачённые никаким сомнением.

Алкоголь волнами прокатывался по телу, будоража жидкую кровь.

— Вы слишком щедры, — сказал Королёв. Он мягко оттолкнулся от стены и проплыл к пульту.

— Возьмите-ка самиздаты[1]. Американское кабельное вещание, свежий перехват. Пикантные плёнки! Просто грех тратить это на старую развалину вроде меня. — Он вставил чистую кассету и набрал код материала.

— Отдам её расчёту, — ухмыльнулся Романенко. — Смогут прокрутить на мониторах наведения в арсенале.

«Арсеналом» традиционно называли станцию управления протонным лучом дезинтегратора. Обслуживающие её солдаты всегда были падки на подобные плёнки. Королёв запустил вторую копию для Валентины.

— Это порнуха? — Вид у красавицы был встревоженный и заинтригованный. — Можно, мы ещё придём, полковник? Во вторник в полночь?

Королёв ответил ей улыбкой. До того как её отобрали для космической программы, она была простой фабричной работницей. Красота сделала Валентину полезной для пропагандистских целей, превратив её в модель для пролетариата.

Теперь, когда в крови циркулировал коньяк, полковнику было жаль женщину; показалось

---

[1] Примечания: 1

В оригинале употреблено слово «samizdata» составленное из русского слова «самиздат» и английского слова «data» — «данные, информация».

невозможным отказать ей в небольшом счастье.

— Полуночное свидание в музее, Валентина? Как романтично!

Качнувшись в невесомости, она поцеловала его в щёчку.

— Благодарю вас, мой полковник!

— Вы — просто властитель душ, полковник, — сказал Романенко, как можно мягче хлопнув Королёва по хрупкому плечу. После бесконечных часов в качалке руки у мальчишки были как у кузнеца.

Старик глядел, как любовники осторожно пробираются в центральную стыковочную сферу, к перекрёстку трёх ветшающих «Салютов» и ещё двух коридоров. Романенко свернул в «северный» коридор, к арсеналу, Валентина направилась в противоположную сторону — к следующей стыковочной сфере и «Салюту», где мирно спал её муж.

В «Космограде» таких стыковочных сфер было пять, к каждой из них было пристыковано по три «Салюта». На противоположных концах комплекса располагались военные отсеки и установки для запуска спутников. Станция непрерывно постукивала, потрескивала, дышала с присвистом, так что казалось, что находишься в метро или в

трюме грузового парохода.

Королёв снова приложился к бутылке, теперь уже наполовину пустой. Он спрятал её в одном из экспонатов музея, фотокамере НАСА системы «Хассельблад», найденной на месте посадки «Аполлона». Ему не случалось выпивать с той самой увольнительной на Землю перед декомпрессией. Голова кружилась болезненно приятной пьяной ностальгией.

Проплыв назад к своему пульту, он вошёл в ту секцию памяти, откуда когда-то стёр тайком собрание речей Алексея Косыгина, чтобы освободить место для своей личной коллекции самиздата: оцифрованных записей поп-музыки, той самой, которую он так любил в детстве, в восьмидесятые годы. Тут были английские группы, записанные с западногерманского радио, хеви-металл стран Варшавского Договора, американский импорт с чёрного рынка. Надев наушники, он набрал код ченстоховского реггибэнда «Бригада Кризис».

После всех этих лет он уже не столько слушал саму музыку, сколько всматривался в образы, мучительно отчётливо наплывавшие из глубины памяти. В восьмидесятые он был длинноволосым парнишкой, отпрыском советской элиты. Поло-

жение отца надёжно защищало его от московской милиции. Он вспоминал, как выл усиленный динамиками реверс в жаркой темноте подвального клуба, видел перед собой шахматную толпу в джинсе и с перекрашенными волосами. Он курил тогда «Мальборо», смешанный с перетёртым афганским хашем. Помнил губы дочери американского дипломата на заднем сиденье чёрного «линкольна». Имена и лица возвращались, накатывали на Королёва в горячей дымке коньяка. Вот Нина, восточная немка, показывает ему размноженные на мимеографе переводы из польских диссидентских информ-листков… В кофейне Нина появлялась лишь поздно ночью. Шёпотом передавались слухи о паразитизме, антисоветской деятельности, ужасах химической обработки в психушке…

Королёва стала бить дрожь. Он провёл рукой по лицу, обнаружил, что оно залито потом. Снял наушники.

Уже полвека прошло, а он вдруг чуть ли не до обморока перепугался. Он не помнил, чтобы ранее испытывал подобный ужас, не боялся так даже во время декомпрессии, когда ему раздробило бедро. Его отчаянно трясло. Лампы. Свет на «Салюте» был слишком ярок, но ему не хо-

телось приближаться к выключателю. Такое простое действие, он его совершает регулярно, и всё же… Переключатели и их обмотанные изоляцией кабели таили в себе неведомую угрозу. Королёв растерянно поморгал. Маленькая заводная модель лунохода с сетчатыми колёсами, цепляющимися за округлую стену, показалась вдруг разумной, враждебной, ждущей момента, чтобы напасть. Глаза советских первопроходцев космоса с презрением уставились на него с официальных портретов.

Коньяк. Годы, проведённые в невесомости, явно изменили метаболизм Королёва. Он уже совсем не тот, каким был раньше. Нет, он останется спокоен и попытается с достоинством перенести это. Если его вырвет, он станет всеобщим посмешищем.

В дверь музея постучали, и в люк великолепным нырком проскользнул Никита-Сантехник, главный мастер на все руки «Космограда». Вид у молодого инженера был разъярённый, и Королёв съёжился от страха.

— Рано поднялся, Сантехник, — сказал он в надежде сохранить хотя бы видимость нормальности.

— Точечная утечка в Дельте-Три. — Никита

нахмурился. — Вы понимаете по-японски?

На Сантехнике были застиранные джинсы «ливайс» и рваные кроссовки «адидас». По всей заляпанной рабочей жилетке в самых неожиданных местах были нашиты карманы. Из внутреннего кармана Никита выудил кассету.

— Мы записали это прошлой ночью.

Королёв отпрянул, будто кассета была каким-то оружием.

— Нет, только не по-японски, — ответил он, сам удивившись кротости в собственном голосе. — Только по-английски и по-польски.

Он почувствовал, что краснеет. Сантехник был его другом. Он хорошо знал Никиту и доверял ему, но всё же…

— С вами всё в порядке, полковник? — Сантехник запустил кассету и ловкими мозолистыми пальцами набрал код программы-переводчика. — Вид у вас такой, будто вы жука проглотили. Мне бы хотелось, чтобы вы это послушали.

Королёв с неприязнью смотрел, как на экране вспыхнула реклама рукавиц для бейсбола. Маниакально забормотал голос японского диктора, и по экрану побежали кириллические субтитры словаря.

— Сейчас пойдут новости, — сказал Сантехник,

покусывая костяшку большого пальца.

Королёв озабоченно покосился на экран. По лицу японского диктора заскользил перевод:

«АМЕРИКАНСКАЯ ГРУППА ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ЗАЯВЛЯЕТ… ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР… СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ О ТОМ, ЧТО РУССКИЕ НАКОНЕЦ ГОТОВЫ… ДЕМОНТИРОВАТЬ ВООРУЖЁННУЮ БАЗУ КОМИЧЕСКОГО ГОРОДА…»

— Космического, — пробормотал себе под нос Сантехник, — сбой в словаре.

«ПОСТРОЕННЫЙ НА РУБЕЖЕ ВЕКА КАК ТРАМПЛИН В КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО… АМБИЦИОЗНЫЙ
ПРОЕКТ ПОДОРВАН ПРОВАЛОМ ЛУННЫХ РУДНИКОВЫХ РАЗРАБОТОК… ДОРОГОСТОЯЩАЯ СТАНЦИЯ УСТУПАЕТ НАШИМ БЕСПИЛОТНЫМ ОРБИТАЛЬНЫМ ФАБРИКАМ… КРИСТАЛЛЫ, ПОЛУПРОВОДНИКИ И ЧИСТЫЕ ЛЕКАРСТВА…»

— Самодовольные ублюдки, — фыркнул Сантехник. — Говорю вам, это всё проклятый кагэбэшник Ефремов. Кто, как не он, приложил к этому руку!

«ЗАТЯЖНОЙ ДЕФИЦИТ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ… ОБЩЕСТВЕННОЕ НЕДОВОЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММОЙ… ПОСЛЕДНИЕ

РЕШЕНИЯ ПОЛИТБЮРО И СЕКРЕТАРИАТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА…»

— Нас закрывают! — Лицо Сантехника перекосилось от ярости.

Не в силах сдержать дрожь, Королёв отшатнулся от экрана. С его ресниц сорвались и невесомыми каплями поплыли по воздуху слёзы.

— Оставь меня в покое! Я ничего не могу поделать!

— Что с вами, полковник? — Никита схватил его за плечи. — Посмотрите мне в лицо. Кто-то дал вам дозу «Страха»!

— Уходи, — взмолился Королёв.

— Этот маленький засранец! Что он вам дал? Таблетки? Инъекцию?

Королёв трясся всем телом.

— Я выпил…

— Он дал вам «Страх»! Вам, больному старику. Да я ему морду набью!

Сантехник резко подтянул колени, сделал сальто назад и, оттолкнувшись от потолка, катапультировался из комнаты.

— Подожди! Сантехник!

Но Никита, белкой проскользнув стыковочную сферу, исчез в коридоре, и Королёв почувствовал теперь, что не вынесет одиночества. Издалека

до него донеслись искажённые металлическим эхом гневные выкрики.

Дрожа, старик закрыл глаза и стал ждать, что кто-нибудь придёт и поможет ему.

Он попросил военного психиатра Бычкова помочь ему одеться в старый мундир с привинченной над левым нагрудным карманом звездой ордена Циолковского. Форменные ботинки из тяжёлого чёрного нейлона с подошвами на присосках отказались налезать на искорёженные артритом ноги, поэтому он остался босиком.

Укол Бычкова в течение часа привёл полковника в чувство, депрессия постепенно сменилась яростным гневом. Теперь Королёв ждал в музее Ефремова, который должен был явиться по его вызову. Его дом обитатели станции называли «Музеем Советских Достижений в Космосе». И по мере того как, уступая место застарелому, как и сама станция, безразличию, стихала ярость, он всё более чувствовал себя всего лишь ещё одним экспонатом.

Полковник мрачно смотрел на портреты великих провидцев космоса, заключённые в золотые рамы, на лица Циолковского, Рынина, Туполева. Под ними, в несколько менее богатых рамах, красовались Жюль Верн, Годдар, О'Нил.

В минуты глубочайшей подавленности он иногда считал, что замечает в их взглядах, особенно в глазах двух американцев, некую общую странность. Было ли это заурядным безумием, как иногда думал он в приступе цинизма? Или ему удалось уловить едва заметное проявление какой-то жуткой, неуправляемой силы, в которой он частенько подозревал движущую силу эволюции человеческой расы?

Однажды, лишь один-единственный раз, Королёв видел это выражение и в своих собственных глазах — в тот день, когда он ступил на землю Каньона Копрат. Марсианское солнце, превратившее в зеркало лицевой щиток шлема, вдруг показало ему отражение двух совершенно чужих немигающих глаз бесстрашных и полных отчаянной решимости. Тихий затаённый шок от увиденного, как он осознавал теперь, был самым запомнившимся, самым трансцендентальным мгновением его жизни.

Поверх всех портретов, масляных и мёртвенных, висела картина, изображавшая высадку на Марс. Краски неизменно напоминали полковнику о борще и мясной подливе. Марсианский ландшафт был низведён здесь до китча советского социалистического реализма. Рядом с

посадочным модулем художник со всей глубоко искренней вульгарностью официального стиля поместил фигуру в скафандре.

Чувствуя себя опозоренным, полковник ожидал прибытия Ефремова, кагэбэшника, политрука «Космограда».

Когда Ефремов наконец появился в «Салюте», Королёв заметил, что у него разбита губа, а на шее — свежие синяки. Политрук был одет в синий комбинезон из японского шёлка фирмы «Кансаи», на ногах — стильные итальянские туфли.

— Доброе утро, товарищ полковник.

Королёв смотрел на него, намеренно выдерживая паузу.

— Ефремов, — с нажимом произнёс он, — вы меня не радуете.

Ефремов покраснел, но взгляда не отвёл.

— Давайте говорить начистоту, полковник, как русский с русским. Естественно, это предназначалось не для вас.

— Что? «Страх», Ефремов?

— Да, бета-карболин. Если бы вы не потакали их антиобщественным поступкам, если бы вы не приняли от них взятку, ничего бы не случилось.

— Так, значит, я сводник, Ефремов? Сводник и пьяница? Тогда вы контрабандист и стукач рога-

тый. Я говорю это, — добавил он, — как русский русскому.

Теперь лицо кагэбэшника превратилось в официальную пустую маску с выражением ничем не омрачённого сознания собственной правоты.

— Но скажите мне, Ефремов: что вы на самом деле затеваете? Что вы делали здесь с момента вашего появления на «Космограде»? Мы знаем, что комплекс будет демонтирован. Что же ожидает гражданский экипаж, когда люди вернутся на Байконур? Разбирательства по обвинению в коррупции?

— Безусловно, будет произведено расследование. В определённых случаях возможна госпитализация. Или вы осмелитесь предположить, полковник Королёв, что в провале «Космограда» повинен Советский Союз?

Королёв молчал.

— «Космоград» был мечтой, полковник. Мечтой, потерпевшей крах. Как и весь космос. У нас нет необходимости оставаться здесь. Предстоит навести порядок на целой планете. Москва — величайшая сила в истории. Нам нельзя терять глобальность мышления.

— Вы думаете, нас так просто сбросить со счетов? Мы — элита, высокообразованная техни-

ческая элита.

— Меньшинство, полковник. Назойливое меньшинство. Какой вклад в общее дело вы вносите, если не считать кип ядовитой американской макулатуры? Предполагалось, что экипаж станции будет состоять из рабочих, а не зарвавшихся спекулянтов, переправляющих к нам джаз и порнографию. — Спокойное и пустое лицо Ефремова ничего не выражало. — Экипаж вернётся на Байконур. Боевыми установками можно управлять и с Земли. Вы, конечно, останетесь, и здесь появятся гости: африканцы, латиноамериканцы. Для этих народов космос ещё сохраняет хоть какую-то долю престижа.

— Что вы сделали с мальчиком? — оскалился Королёв.

— С вашим Сантехником? — Политрук нахмурился. — Он напал на офицера Комитета государственной безопасности и останется под стражей до тех пор, пока не появится возможность отправить его на Байконур.

Королёв попытался издать неприятный смешок.

— Отпустите его. Вам хватит своих собственных неприятностей, чтобы ещё возбуждать против кого-либо дело. Я свяжусь лично с маршалом

Губаревым. Пусть моё звание и исключительно почётное, но я сохранил ещё определённое влияние.

Кагэбэшник пожал плечами:

— Боевой расчёт подчиняется приказам с Байконура, а именно — держать коммуникационный модуль под замком. На карту поставлена их карьера.

— Значит, военное положение?

— Здесь не Кабул, полковник. Сейчас тяжёлые времена. За вами сила авторитета, вам следовало бы подавать пример.

— Посмотрим, — ответил Королёв.

«Космоград» выплыл из тени Земли на резкий солнечный свет. Стены «Салюта» Королёва потрескивали и скрежетали, как ящик со стеклянными бутылками. «Иллюминаторы всегда сдают первыми», — рассеянно подумал Королёв, проводя пальцами по вздувшимся венам на виске.

Похоже, молодой Гришкин думал то же самое. Вытащив из наколенного кармана тюбик замазки, он принялся осматривать изоляцию вокруг иллюминатора. Гришкин был помощником Сантехника и ближайшим его другом.

— Теперь нам нужно проголосовать, — устало сказал Королёв. Одиннадцать из двадцати четы-

рёх членов гражданского экипажа «Космограда» согласились присутствовать на собрании — двенадцать, если считать его самого. Оставалось ещё тринадцать человек, которые или не хотели оказаться замешанными, или отнеслись к идее забастовки с нескрываемой враждебностью. С Ефремовым и шестью солдатами боевого расчёта число отсутствующих доходило до двадцати.

— Мы обсудили наши требования. Все те, кто за данный список… — Он поднял здоровую руку.

Поднялись ещё три руки. Гришкин, занятый иллюминатором, вытянул ногу.

Королёв вздохнул.

— Нас и без того не так уж много. Лучше бы нам проявить единодушие. Давайте выслушаем возражения.

— Выражение «военный переворот», — начал биолог Коровкин, — может быть воспринято как намёк на то, что все военные, а не только преступник Ефремов, несут ответственность за сложившуюся ситуацию. — Биолог явно чувствовал себя неловко. — Во всём остальном мы вам симпатизируем, но подписываться не станем. Мы члены партии. — Казалось, он хотел добавить ещё что-то, но сдержался.

— Моя мать, — тихо произнесла его жена, — бы-

ла еврейкой.

Королёв кивнул, но ничего не сказал.

— Всё это — преступная глупость, — высказался ботаник Глушко. Ни он, ни его жена не голосовали. — Безумие. С «Космоградом» покончено, мы все это знаем, и чем скорее домой, тем лучше. Чем ещё была эта станция, как не тюрьмой?

Метаболизм ботаника оказался несовместим с невесомостью, это заставляло кровь застаиваться у него в лице и шее, делая его похожим на одну из его экспериментальных тыкв.

— Ты же ботаник, Василий, — одёрнула его жена, — в то время как я, если ты помнишь, пилот «Союза». Речь идёт не о твоей карьере.

— Я не стану поддерживать этот идиотизм!

Глушко резко оттолкнулся от переборки, что выбросило его прочь из комнаты. За ним последовала жена, горько жалуясь приглушённым полушёпотом, к которому члены экипажа научились прибегать в личных спорах.

— Готовы поставить свои подписи пятеро, — сказал Королёв, — из гражданского экипажа в двадцать четыре человека.

— Шестеро, — отозвалась Татьяна, второй пилот «Союза». Её тёмные волосы были убраны под плетёный ремешок из зелёного нейлона. — Вы

забыли про Сантехника.

— Солнечные шары! — воскликнул Гришкин, указывая на Землю. — Смотрите!

«Космоград» находился теперь над побережьем Калифорнии, под станцией проплывали чёткие очертания береговой линии, бескрайние, приходящие в упадок города, чьи названия звучали как странные магические заклинания. Светились яркой интенсивной зеленью поля. Высоко над барашками стратосферных облаков плавали пять солнечных баллонов — зеркальные геодезические сферы, опутанные сетями энергетических линий. Баллоны были дешёвой альтернативой грандиозному американскому плану по созданию спутников, работающих на солнечной энергии. По мнению Королёва, они со своей задачей справлялись, поскольку в последнее десятилетие эти пузырьки множились прямо у него на глазах.

— Правду ли говорят, что там живут люди? — Стойко, отвечающий на станции за системы обеспечения, приник к иллюминатору рядом с Гришкиным.

Королёву припомнилась лихорадочная — и такая трогательная — суета американцев вокруг совершенно эксцентричных энергетических проектов, начавшаяся после заключения Вен-

ского договора. Советский Союз контролировал мировые поставки нефти, и американцы, похоже, были готовы испробовать всё что угодно. Особенно после того, как взрыв атомной электростанции в Канзасе раз и навсегда отбил у них охоту пользоваться реакторами. Уже более трёх десятилетий они постепенно соскальзывали к промышленному упадку и изоляции. «Космос, — с сожалением подумал полковник, — им нужно было выходить в космос». Он никогда не понимал того странного паралича воли, который свёл на нет все их блистательные первые успехи. А может быть, всё дело в недостатке воображения, в неумении видеть перспективу? «Вот так-то, господа американцы, — проговорил он про себя, — вам и вправду стоило присоединиться к нам здесь — в нашем славном будущем, в «Космограде».

— Да кому захочется жить в такой-то штуковине? — спросил Гришкин, хлопнув Стойко по плечу и рассмеявшись — тихо, безнадёжно, отчаянно.

— Вы, конечно, шутите, — сказал Ефремов. — Ведь у нас и без того хватает неприятностей.

— Мы не шутим, политрук Ефремов, и вот наши требования.

На «Салюте», который кагэбэшник делил с Валентиной, сгрудились пятеро диссидентов, прижав политрука к кормовому экрану. Экран украшала искусно отретушированная фотография премьера, машущего в объектив из кабины трактора. Валентина, насколько Королёву было известно, находилась сейчас в музее с Романенко, заставляя скрипеть переборки. Полковник в который раз спросил себя, как Романенко удаётся так регулярно прогуливать свои вахты в арсенале.

Ефремов пожал плечами. Опустил взгляд на список требований.

— Сантехник останется под арестом. У меня прямой приказ. Что касается остального…

— Вы виновны в несанкционированном применении психиатрических препаратов! — выкрикнул Гришкин.

— Это было целиком и полностью личное дело, — спокойно возразил Ефремов.

— Преступление, — поправила Татьяна.

— Пилот Татьяна, мы оба знаем, что присутствующий здесь Гришкин самый активный распространитель пиратской самиздаты на станции! Разве вы не понимаете, что все мы преступники? В этом-то и заключается вся прелесть нашей системы, не так ли? — Его внезапная кривая улыбка

была шокирующе цинична. — «Космоград» не «Потёмкин», и вы не революционеры. Вы требуете связи с маршалом Губаревым? Он под арестом на Байконуре. Вы требуете связи с министром по технологиям? Он проводит чистку.

Решительным жестом он разорвал распечатку на части. Жёлтые обрывки папиросной бумаги медлительными бабочками запорхали в невесомости.

На девятый день забастовки Королёв встретился с Гришкиным и Стойко в «Салюте», который Гришкин обычно занимал на пару с Сантехником.

Уже сорок лет обитатели «Космограда» вели антисептическую войну с грибком и плесенью. Пыль, копоть и испарения не оседали в невесомости на предметы, и споры кишели повсюду: в обшивке, в одежде, в шахтах вентиляции. В тёплой влажной атмосфере этой огромной чашки Петри они распространялись, как растекаются по воде нефтяные пятна. Сейчас в воздухе стоял запах сухого гниения, перекрывавшийся зловещей вонью тлеющей изоляции.

Сон Королёва оборвал гулкий раскат отбывающего «Союза». Глушко и его жена, решил он. Последние сорок восемь часов Ефремов занимал-

ся эвакуацией членов экипажа, отказавшихся присоединиться к забастовке. Солдаты не показывались из арсенала и казарменного отсека, где по-прежнему держали под арестом Никиту-Сантехника.

«Салют» Гришкина стал штаб-квартирой забастовки. Никто из забастовщиков не брился, а Стойко к тому же подцепил какую-то кожную инфекцию, которая пятнами расползалась по его рукам. Среди развешанных по стенам сенсационных снимков, переснятых с американского телевидения, они напоминали трио каких-нибудь порнографов-дегенератов. Освещение было слабым: «Космоград» работал на половинном напряжении.

— Когда остальные уйдут, — сказал Стойко, — это только укрепит наше дело.

Гришкин застонал. Из его ноздрей фестонами торчали белые тампоны хирургической ваты. Он был уверен, что Ефремов попытается сломить забастовщиков бета-карболинными аэрозолями. Ватные фильтры были просто показателем общего уровня напряжения и паранойи. Пока с Байконура не пришёл приказ об эвакуации, один из техников с оглушительной громкостью часами проигрывал «Увертюру 1812 года» Чай-

ковского. И Глушко гонялся вверх-вниз по всему «Космограду» за своей голой, вопящей, избитой в кровь женой.

Стойко вошёл в файлы кагэбэшника и психиатрические записи Бычкова; метры жёлтой распечатки спиралями клубились по коридорам, колыхаясь в токах воздуха от вентиляторов.

— Подумайте только, что их показания сделают с нами на Земле, пробормотал Гришкин. — На суд и надеяться нечего. Прямо в психушку.

Зловещее прозвище политических госпиталей, казалось, гальванизировало парнишку ужасом. Королёв апатично ковырял клейкий хлорелловый пудинг.

Схватив проплывавший мимо рулон распечатки, Стойко зачитал вслух:

— Паранойя со склонностью к навязчивым идеям! Ревизионистские фантазии, враждебные общественному строю! — Он скомкал бумагу. — Если бы нам удалось захватить коммуникационный модуль, мы могли бы подключиться к американскому комсату и вывалить им это всё на колени. Может, это показало бы Москве, какие из нас враги!

Королёв выковырял из своего пудинга дохлую муху. Две дополнительные пары крыльев и по-

росшая шёрсткой грудная клетка насекомого наглядно свидетельствовали об уровне радиации на «Космограде». Насекомые сбежали с какого-то давно всеми позабытого эксперимента, и десятилетиями их поколения наводняли станцию.

— Американцам нет до нас никакого дела, — сказал Королёв. — И Москву больше не смутишь подобными откровениями.

— За исключением того, что на носу поставки зерна, — возразил Гришкин.

— Америке так же отчаянно требуется продавать, как нам покупать. Королёв мрачно забросил в рот ещё несколько ложек хлореллы и, механически прожевав, проглотил. — Да и американцы не смогли бы выйти на нас, даже если бы захотели. Мыс Канаверал в развалинах.

— У нас кончается топливо, — сказал Стойко.

— Можем забрать с оставшихся кораблей, — ответил Королёв.

— Тогда как, чёрт побери, мы вернёмся на Землю? — Сжатые в кулаки руки Гришкина дрожали. — Даже в Сибири — там деревья. Деревья! Небо! К чёрту всё это! Пусть всё разваливается на части! Пусть рухнет, пусть сгорит!

Пудинг Королёва размазался по переборке.

— О господи, — сказал Гришкин, — простите,

полковник. Я знаю, что вы не можете вернуться.

У себя в музее Королёв застал пилота Татьяну. Девушка висела перед той самой отвратительной картиной с изображением высадки на Марс, щёки её блестели от слёз.

— Вы знаете, полковник, что на Байконуре стоит ваш бюст? Бронзовый. Я обычно проходила мимо него, когда шла на занятия.

— Там полно бюстов. Академики их обожают. — Улыбнувшись, старик взял её за руку.

— Как это всё происходило? Тогда? — Она всё ещё не отводила глаз от картины.

— Я едва помню. Я так часто смотрел видеозаписи, что теперь помню только их. У меня такие же воспоминания о Марсе, как и у любого школьника. — Он снова улыбнулся ей. — Но всё было совсем не так, как на этой дурацкой картине. В чём-чём, а в этом я уверен.

— Почему всё так вышло, полковник? Почему теперь всё кончается? Когда я была маленькой, я смотрела телевизор… наше космическое будущее казалось таким светлым…

— Возможно, американцы были правы. Японцы, чтобы строить свои орбитальные фабрики, посылали в космос вместо людей машины. Роботов. Лунные разработки потерпели крах, но мы

надеялись, что хотя бы здесь останется постоянная исследовательская база. Думаю, всё дело в тех, кто сидит за столом и принимает решения.

— Вот их окончательное решение относительно «Космограда». — Она протянула ему сложенный листок папиросной бумаги. — Я нашла его в распечатках приказов, полученных Ефремовым из Москвы. Они позволят станции сойти с орбиты в течение трёх ближайших месяцев.

Королёв понял, что теперь и он не может оторвать глаз от столь ненавистной ему картины.

— Едва ли это имеет теперь значение, — услышал он свой охрипший голос.

И тут девушка горько разрыдалась, припав лицом к его искалеченному плечу.

— У меня есть план, Татьяна, — сказал он, поглаживая её по голове. — Ты должна меня выслушать.

Полковник взглянул на свой старенький «Ролекс». Сейчас они над Восточной Сибирью. Он вспомнил, как швейцарский посол подарил ему эти часы в огромном сводчатом зале Большого Кремлёвского дворца.

Пора начинать.

Отмахнувшись от ленты распечатки, норовившей обвиться вокруг головы, Королёв выплыл из

своего «Салюта» в стыковочную сферу.

Он ещё способен быстро и эффективно действовать здоровой рукой. Старик усмехнулся, высвобождая из ремней настенного крепления баллон с кислородом. Опершись о поручень, он изо всех сил швырнул баллон через всю сферу. С резким лязгом баллон безрезультатно отскочил от стены. Королёв нырнул за ним, поймал и снова кинул. Потом нажал на кнопку декомпрессионной тревоги.

Завыли сирены, и из динамиков полетела пыль. Включилась антиаварийная программа, стыковочные шлюзы под воздействием гидравлики со скрежетом закрылись. У Королёва начало звенеть в ушах. Шмыгнув носом, он снова потянулся за баллоном.

Огни вспыхнули до максимальной яркости, потом погасли. Старик улыбнулся в темноте, на ощупь отыскивая пластмассовый баллон. Стойко спровоцировал аварию всех основных систем жизнеобеспечения. Это было несложно. Тем более что память системы и без того была до предела перегружена пиратским телевещанием.

— Вот вам ваши крутые фильмы! — пробормотал он, колотя баллоном о стену.

Огни слабо замигали — это подключились ава-

рийные батареи.

У него начинало болеть плечо, но старик стоически продолжал колотить, вспоминая грохот, вызванный настоящей декомпрессией. Побольше шума. Он должен одурачить Ефремова и его солдат.

Со скрежетом завертелся ручной штурвал одного из люков. Наконец люк распахнулся, и, неуверенно улыбаясь, из него выглянула Татьяна.

— Освободили Сантехника? — спросил старик, отпуская баллон.

— Стойко и Уманский урезонивают охрану. — Она ударила кулаком в раскрытую ладонь. — Гришкин готовит спускаемые аппараты.

Они отправились в следующую стыковочную сферу — где Стойко как раз помогал Сантехнику выбраться через люк, ведущий из казарм. Никита был босиком, его лицо под колючей щетиной имело зеленоватый оттенок. За ними следовал метеоролог Уманский, таща за собой обмякшее тело конвоира.

— Как ты, Сантехник? — спросил Королёв.

— Колотит. Они держали меня на «Страхе». Дозы хотя и небольшие, но всё-таки… К тому же я решил, что это и впрямь декомпрессия!

Из ближайшего к Королёву «Союза» выскользнул Гришкин, за ним выплыла связка инструментов и развернувшийся моток нейлонового троса.

— Все, как один, проверены. В результате нашей аварии управление в кораблях переключилось на собственную автоматику. Ну и я прошёлся гаечным ключом по дистанционному управлению, так что с Земли нас не перехватят. Как твои дела, друг Никита? — обратился он к Сантехнику. — Тебе выпала честь первым ступить на землю Центрального Китая.

Сантехник скривился, затем покачал головой:

— Я не говорю по-китайски.

Стойко протянул ему лист распечатки.

— Это — транскрибированный разговорный китайский. «Я ЖЕЛАЮ ДАТЬ ПОКАЗАНИЯ. ОТВЕДИТЕ МЕНЯ В БЛИЖАЙШЕЕ ЯПОНСКОЕ КОНСУЛЬСТВО».

Ухмыльнувшись, Сантехник запустил руку в гриву жёстких от пота волос.

— А как насчёт остальных? — спросил он.

— Ты думаешь, мы затеяли всё это ради тебя одного? — скорчила гримаску Татьяна. — Убедись, чтобы китайские службы новостей получили все документы из этого пакета, Никита. А уж мы позаботимся о том, чтобы весь мир узнал о том,

как Советский Союз намеревается отплатить за службу полковнику Юрию Васильевичу Королёву, первому человеку на Марсе! — Она послала Сантехнику воздушный поцелуй.

— А как насчёт Филипченко? — спросил Уманский. Вокруг лица неподвижного солдата плавали несколько капель свернувшейся крови.

— Почему бы тебе не забрать этого дурака несчастного с собой? — сказал Королёв.

— Пошли, дубина. — Ухватив Филипченко за форменный ремень, Сантехник утащил его за собой в люк «Союза». — Я, Никита по прозвищу Сантехник, оказываю тебе величайшую услугу в твоей презренной жизни.

Королёв смотрел, как Стойко с Уманским задраивают за ними люк.

— А где Романенко с Валентиной? — спросил он, снова сверяясь с часами.

— Здесь, мой полковник. — В люке другого «Союза» появилось лицо Валентины, вокруг него колыхались её светлые волосы. — Мы просто проверяли корабль, — хихикнула она.

— На это у вас хватит времени и в Токио, — одёрнул её Королёв. — Ещё несколько минут, и во Владивостоке с Ханоем начнут поднимать перехватчики.

В люке появилась обнажённая мускулистая рука Романенко и рывком утянула Валентину внутрь. Стойко и Гришкин задраили люк.

— Пейзане в космосе, — фыркнула Татьяна.

По «Космограду» прокатился гулкий удар — это стартовал Сантехник со всё ещё не пришедшим в себя Филипченко. Ещё удар — и любовники тоже отбыли.

— Идём, друг Уманский, — сказал Стойко. — И прощайте, полковник! — Парочка направилась вниз по коридору.

— А я с тобой, — ухмыльнувшись, сказал Гришкин Татьяне, — в конце концов, ты ведь пилот.

— Ну нет, — отозвалась она. — Полетишь один. Разделим шансы. За тобой присмотрит автоматика. Только, ради бога, не трогай ничего на панели управления.

Королёв глядел, как она помогает ему устроиться в последнем «Союзе».

— В Токио я поведу тебя на танцы. — Это были последние слова Гришкина.

Она задраила люк. Ещё один гулкий раскат, и из соседней стыковочной сферы стартовали Стойко с Уманским.

— Поторапливайся, девочка, — сказал Королёв. — Мне бы очень не хотелось, чтобы тебя сбили

над нейтральными водами.

— Но ведь вы остаётесь здесь один, полковник, один на один с врагами…

— Когда здесь не будет вас, уйдут и они. Надеюсь, вы поднимете достаточно шума, чтобы заставить Кремль сделать хоть что-нибудь, что не дало бы мне умереть.

— А что мне сказать в Токио, полковник? У вас есть какое-нибудь последнее слово миру?

— Скажи им…

…и тут на него нахлынули все штампы, какие только порождает осознание собственной правоты. От мысли об этом ему захотелось истерически рассмеяться: «Один небольшой шаг…», «Мы пришли сюда с миром…», «Трудящиеся всей земли…»

— …скажи им, что мне это просто нужно, — сказал он, больно сжав исхудавшее запястье, — нужно до самых костей.

Коротко обняв его напоследок, Татьяна исчезла.

Старик остался ждать в опустевшей стыковочной сфере. Тишина царапала по нервам. Авария жизнеобеспечения корабля не пощадила и вентиляционные системы, под жужжание которых он привык просыпаться последние двадцать лет.

Наконец он услышал, как отстыковался «Союз» Татьяны.

Кто-то шёл по коридору. Это был Ефремов, неловко передвигающийся в вакуумном скафандре. Королёв улыбнулся.

Под лексановым лицевым щитком виднелась всё та же пустая официальная маска, но офицер избегал встречаться с Королёвым взглядом. Он направлялся в арсенал.

— Нет! — выкрикнул Королёв.

Завывание сирен означало, что станция находится в состоянии полной боевой готовности.

Когда старик добрался до арсенала, люк в помещение был распахнут. Солдаты, повинуясь вбитому постоянной муштрой рефлексу, двигались как марионетки в руках неумелого кукловода, устраивались в креслах у пультов и застёгивали широкие ремни на груди громоздких скафандров.

— Не делайте этого!

Он вцепился пальцами в жёсткую, растягивающуюся гармошкой ткань ефремовского скафандра. Оглушительным стаккато взвыл запущенный ускоритель протонного луча. На экране наведения зелёное перекрестье наползло на красное пятнышко.

Ефремов снял шлем. Спокойно, не меняя выражения лица, он наотмашь ударил им Королёва.

— Заставьте их остановиться! — задыхался от рыданий полковник. Стены вздрогнули, когда со звуком щёлкающего хлыста на волю вырвался луч дезинтегратора. — Ваша жена, Ефремов! Она там!

— Подите вон, полковник.

Ефремов схватил артритную руку Королёва и сжал её. Королёв вскрикнул от боли.

— Вон! — Кулак в тяжёлой перчатке ударил его в грудь. Вылетев в коридор, Королёв беспомощно рухнул на валявшийся у стены вакуумный скафандр.

— Даже я, полковник, не посмею встать между Красной Армией и полученным ею приказом. — Вид у Ефремова сейчас был такой, будто его вот-вот вырвет. Официальная маска осыпалась. — Отличная практика, — пробормотал он. — Подождите здесь, пока мы не закончим.

И тут произошло нечто невероятное: «Союз» Татьяны развернулся и на полной скорости врезался в установку дезинтегратора и казарменные отсеки. В дагеротипе резкого солнечного света Королёв лишь на долю секунды увидел, как вспыхнул и сплющился арсенал, словно раздав-

ленная сапогом пивная жестянка. Он увидел, как от пульта закрутило прочь обезглавленный труп солдата. Он увидел, что Ефремов пытается что-то сказать, но его волосы встают дыбом — это вакуум вырвал воздух из скафандра через незакрытое отверстие для шлема. Две тоненькие струйки крови дугами потянулись из ноздрей Королёва, а свист уносящегося воздуха сменился ещё более глубоким гудением в голове.

Последним звуком, который запомнил Королёв, был грохот захлопывающегося люка.

Когда он очнулся, его встретили темнота, пульсирующая агония боли в глазах и воспоминания о давних лекциях. Шок — столь же серьёзная опасность, как и сама декомпрессия: когда кровь вскипает, пузырьки водорода несутся по венам, чтобы ударить в мозг раскалённой добела, калечащей болью…

Но всё это было таким отдалённым, таким академичным… Повинуясь лишь какому-то странному ощущению «честь обязывает» и ничему более, старик закрутил ручные штурвалы люков. Даже эта работа оказалась для него слишком утомительной, и ему захотелось вернуться в музей и спать, спать, спать.

Ему удалось залепить замазкой все мелкие

протечки, но в целом масштабы катастрофы намного превосходили его возможности. Оставался, правда, глушковский сад. На овощах и сине-зелёных водорослях он с голоду не умрёт и не задохнётся. Коммуникационный модуль пропал вместе с арсеналом и казармой, оторванный от станции самоубийственным ударом «Союза». Королёв предположил, что столкновение изменило орбиту «Космограда», но не видел никакого способа предсказать, в котором часу произойдёт неизбежная горячая встреча с верхними слоями атмосферы. Теперь он часто бывал болен и думал, что может умереть до того, как сгорит сама станция, и это его сильно беспокоило.

Он проводил бесчисленные часы за просмотром плёнок, хранившихся в библиотеке музея. Подходящее занятие для Последнего Человека в Космосе, который некогда был Первым Человеком на Марсе.

Он стал одержим иконой Гагарина, бесконечно прокручивая крупнозернистые телевизионные изображения шестидесятых годов и киножурналы, неизменно подводившие его к моменту гибели космонавта. Спёртый воздух «Космограда» кишел призраками мучеников космоса. Гагарин, экипаж первого «Салюта», американцы,

сгоревшие заживо в своём «Аполлоне»…

Часто ему снилась Татьяна, выражение глаз у неё было такое же, какое чудилось ему на портретах в музее. А однажды он проснулся или подумал, что проснулся, в её «Салюте» и обнаружил, что одет в свой старый мундир, а на лбу у него — работающий от батарей фонарь. И откуда-то издали, как будто просматривая хронику на музейном мониторе, он увидел, как отвинчивает со своего кармана звезду ордена Циолковского и прикалывает её на диплом пилота Татьяны.

Потом в дверь раздался стук, и он понял, что это тоже сон.

В голубоватом мигающем свете старого кинофильма возникла вдруг чернокожая женщина. Длинные косички матовых волос кобрами качались вокруг её головы. На ней были авиационные очки-«консервы»; шёлковый шарф авиатора начала века как змея выгнулся за её спиной.

— Энди, — окликнула она кого-то по-английски, — пойди-ка сюда. Тебе стоит на это взглянуть!

Невысокий мускулистый мужчина, почти лысый и одетый только в спортивный бандаж, поверх которого был застёгнут пояс с инструментами монтёра, выплыл из-за её плеча и заглянул внутрь.

— Интересно, он жив?

— Конечно, я жив, — тоже по-английски, но с заметным акцентом ответил Королёв.

Человек по имени Энди проплыл над головой своей подруги.

— С тобой всё в порядке, приятель?

На правом бицепсе у него красовалась татуировка в виде геодезической сферы над скрещенными молниями, под которой шла крупная, горделивая надпись: «СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ 15, ЮТА».

— Мы не надеялись здесь кого-то застать.

— Я тоже. — Королёв сморгнул.

— Мы пришли сюда жить, — сказала женщина, подплывая поближе.

— Мы — с солнечных шаров. А здесь, так сказать, незаконные жильцы. Скваттеры. Прослышали, что это место пустует. Ты знаешь, что станция сходит с орбиты? — Человек произвёл в воздухе неуклюжее сальто, на поясе у него загремели инструменты. — Невесомость — это что-то потрясающее!

— Господи, — воскликнула женщина, — я просто не могу к ней привыкнуть! Здесь чудесно. Это — как те несколько километров, когда летишь без парашюта, только тут нет ветра.

Королёв во все глаза глядел на мужчину, безза-

ботного, небрежного, выглядевшего так, словно он с самого рождения привык допьяна напиваться свободой.

— Но ведь у вас нет даже стартовой площадки, — недоумённо произнёс он.

— Стартовой площадки? — рассмеялся Энди. — Хочешь знать, что мы сделали? Подтянули по кабелям к шарам ракетные ускорители, отвязали их и запустили прямо в воздухе.

— Но это же безумие, — отозвался Королёв.

— Но ведь оно доставило нас сюда, так?

Королёв кивнул. Если это сон, то очень странный.

— Я — полковник Юрий Васильевич Королёв.

— Марс! — Женщина захлопала в ладоши. — Подождите, вот обрадуются дети, когда узнают.

Сняв с переборки маленький луноход, она принялась его заводить.

— Эй, — сказал мужчина, — у меня работы по горло. У нас ещё целая связка ускорителей снаружи. Их нужно поднять на борт, прежде чем они вздумают загореться.

Что-то резко звякнуло об обшивку. По «Космограду» прошёл гул столкновения.

— Это, должно быть, Тулза, — сказал Энди, сверившись с наручными часами. — Вовремя!

— Но почему? — Королёв в растерянности покачал головой. — Почему вы сюда пришли?

— Мы же тебе сказали. Чтобы жить здесь. Мы можем расширить это место, может быть, построим ещё одно. Все говорили, что на шарах, дескать, невозможно выжить, но мы оказались единственными, кому удалось заставить их работать. Это был наш единственный шанс самостоятельно выбраться на орбиту. Кому охота жить ради какого-то правительства, ради армейской меди или своры бумагомарак? Нужно просто стремиться к фронтиту, стремиться всем своим существом, верно?

Королёв улыбнулся. Энди улыбнулся в ответ.

— Мы уцепились за силовые кабели и просто вскарабкались по ним наверх. А когда ты взбираешься на вершину, тебе остаётся либо прыгать дальше, либо гнить там. — Голос его набрал силу. — Но не оглядываться назад, нет, сэр! Мы совершили этот прыжок, и вот мы здесь, чтобы остаться!

Женщина поставила модель сетчатыми колёсиками на закругляющуюся к потолку стену и отпустила игрушку. Луноход, весело постукивая, пошёл карабкаться у них над головами.

— Ну разве не прелесть? Дети просто влюбятся

в него, вот увидите.

Королёв смотрел Энди в глаза.

«Космоград» снова завибрировал, сбив маленький луноход на новый курс.

— Восточный Лос-Анджелес, — сказала женщина. — Это тот, в котором дети.

Она сняла авиационные очки, и Королёв увидел её глаза, светящиеся чудесным, святым безумством.

— Ну, — сказал Энди, встряхнув пояс с инструментами, — как вы насчёт того, чтобы показать нам наш новый дом?

William Ford Gibson, Bruce Sterling. Red Star, Winter Orbit. 1983.

Перевод с английского Анна Комаринец